К. Вейдемюллер

Война за нефть

„Когда хотят об'яснить человеческие отношения, говорят: „Ищите женщину". Когда приходится об'яснять трагедии и комедии международных отношений, следует сказать: „Ищите нефть". Мировая война 1914 года была порождена интересами угольной и железной промышленности, теперь же первенство переходит к нефти. Мы живем в нефтяном веке, и на первом плане стоит нефтяной империализм. История ближайших двух поколений пройдет под знаком борьбы за нефть".

Луи Фишер („Империализм нефти," стр. 174-175)

1. Рост потребления нефти

В современном мировом хозяйстве нет проблемы более острой, с точки зрения советской экономики, — нет вопроса более жгучего, чем нефтяной вопрос.

Вопрос этот включает две стороны: чисто экономическую и политическую.

Экономическая часть проблемы определяется, в первую очередь, тем чудовищным ростом потребления нефти, какое отличает мировое хозяйство в последние десятилетия. На чем же основан столь значительный рост потребности в нефти?

Когда Джон Д. Рокфеллер основал в 1867 г. (в Кливлэнде, в штате Охайо) свой первый нефтеочистительный завод,[1] то производимым им продуктом был, преимущественно, обыкновенный керосин, ибо главным назначением нефти тогда было — питать „керосиновую лампу доброго старого времени".

Весьма скоро, однако, обнаружились и другие потребительные свойства нефти. В соприкосновение с машиной, с промышленностью она пришла, прежде всего, в качестве смазочного масла, сильно облегчившего задачу автоматического смазывания быстро движущихся механизмов; дальнейшим шагом было употребление ее в качестве жидкого топлива. Это имело большое значение для всех паровых котлов; но в особенности преимущества нефти перед углем сказались на море.

В 1914 г. нефтяное отопление употребляли 364 судна, с общим тоннажем в 1,3 млн. тонн, что составляло 2,62% всех судов мирового торгового флота. В 1922 г. число таких судов поднялось до 2.793, с тонна-

[1] Под фирмой „Рокфеллер, Эндр'юс и Флэглер". Это и была первоначальная клеточка, из которой развился потом гигантский трест „Стандард-Ойл".

жем в 14,38 млн. тонн, что составляло уже 22,34% всех плавающих единиц. Еще значительнее, однако, роль нефти как жидкого топлива в морском военном флоте. Жидкое топливо оказывается не только практически бездымным, но и весьма заметно увеличивает быстроту хода и радиус действия военных кораблей. Нужно ли удивляться, что если в мировую войну с нефтяным отоплением вступило, по авторитетному свидетельству лорда Керзона, 45% всех военно-морских сил Великобритании,— то после войны, в 1921 г., этот процент был уже вдвое больше—90%? Недаром „первый лорд адмиралтейства", лорд Фишер, еще задолго до войны пророчески воскликнул: „Нефтяное могущество — есть мировое могущество".

Лорд Фишер не подозревал тогда еще, что оправдание его пророческие слова получат путем, несколько отличным от того, какой он имел в виду.

Роль нефти в качестве жидкого топлива совершенно бледнеет перед тем ее значением, какое она приобрела после изобретения так называемых двигателей внутреннего сгорания. Это изобретение превратило нефть в источник не тепловой только, а и механической энергии, что сделало способ ее эксплоатации принципиально отличным от всех предыдущих. Изобретение нефтяных моторов поставило нефть рядом с живыми силами природы и паром — в качестве „третьего элемента". Затем обнаружилось, что коэфициент полезного действия нефтяных двигателей почти в три раза выше соответствующего коэфициента паровых машин. И этот факт технически и экономически дает настолько большие преимущества, что победное шествие двигателей внутреннего сгорания (в особенности после изобретения „дизеля", потребляющего тяжелые продукты нефти, в противоположность автомобильным и аэропланным двигателям, работающим исключительно на легких),— стало реальным фактом. Но в сторону их распространения действовали также причины совершенно иного порядка.

Генералу Галлиэни, защитнику Парижа, удалось повлиять на исход знаменитой битвы на Марне тем, что он сумел выставить в непредусмотренном немцами месте новую армию. Откуда взялась эта армия? Каким образом она могла быть транспортирована? Эту задачу выполнил автомобиль. Париж и нужное место фронта были превращены в две точки кольца, по которому беспрерывной чередой двигались автомобили. В Париже происходила посадка войск, в другой точке—их отгрузка. Следовательно, в известном смысле можно сказать, что битву на Марне выиграл автомобиль или, вернее,— бензинный мотор. Последний оказался, таким образом, важнейшей принадлежностью военного транспорта. [1] Но он, мало-по-малу, сделался также непосредственной частью военного оружия. Не только бронированные автомобили но и уродливый подарок последней войны — танки — совершают передвижение при помощи бензинных моторов; последние применяются также для переброски артиллерии.

[1] Весною 1918 г. французская армия получила от американцев около 100.000 тонн нефти. Это дало маршалу Фошу возможность свободно перебрасывать в нужные места на грузовиках силы, достаточные для того, чтобы восполнять нанесенные немцами потери. Так было предотвращено грозившее ослабление французского фронта, которое могло стать роковым.

Военные машины с бензинными двигателями сделались необходимой частью всех современных армий на суше. Но этого мало. Постепенно к двигателям внутреннего сгорания — вместо паровых машин и турбин— начинают переходить и военные морские суда. В особенности велико значение бензинных моторов в подводном плавании, где применение их создало новый тип подводной лодки. И все же военное значение этих новых двигателей лежит, главным образом, не на суше и не на воде. Поистине беспредельным становится оно в воздухе.

Без бензинных моторов развитие авиации вообще и военной в частности было бы совершенно невозможно. Не только многочисленные эскадрильи аэропланов держатся в воздухе и двигаются исключительно благодаря бензинным двигателям,— все свое значение управляемых воздушных гигантов дирижабли приобретают благодаря им же. И достаточно вспомнить ту роль, какую играли воздушные силы в последней войне; достаточно принять во внимание все значение, какое приобрела— например, во французской или американской армии — как раз воздушная рать (главным образом, для разведывательной службы и химического нападения),— чтобы понять все огромное значение бензинного мотора для военной авиации и предвидеть его предстоящее неизбежное распространение. [1]

Таким образом, бензинный мотор, а следовательно, и нефть — стали одним из условий военного могущества. Кто обладает нефтью,— обладает — и в гораздо более широком, чем то предвидел лорд Фишер, смысле — военной мощью. А так как при современных условиях от военной мощи зависит самая жизнеспособность государств,— тем самым нефтяной вопрос из плоскости чисто экономической переходит в плоскость политическую.

Дать сколько-нибудь полные цифры, выражающие рост распространения двигагателей внутреннего сгорания в военном деле — по понятным причинам — невозможно По необходимости мы ограничимся лишь немногими данными относительно роста его в транспорте и относительно роста потребления нефти в целом.

Общее число автомобилей в 1920 г. составляло 8,7 млн. Из них на долю одних только Соед. Штатов приходилось свыше 7,5 млн. К 1925 г. эти цифры соответственно поднялись до 21,3 млн. (включая грузовики) и 17,7 млн. На 1 января 1926 г. общее число автомобилей возросло до 24,6 млн.; другими словами, одна машина приходилась на 71 человек

[1] Немецкий военный специалист Карл Эндрес сообщает следующие интересные данные о количестве аэропланов, которыми располагают для военных целей империалистические державы. В 1925 г. во Франции было 5.500 аэропланов, которые были годны для военного употребления, в Италии таких аэропланов было 1.450; в Англии — 1.050. Само собою разумеется; что в настоящий момент эти цифры уже значительно превзойдены. Что касается аэропланов, служащих исключительно военным целям, то их в 1927 г. было:

Во Франции	1.650	В Польше	600
„ Соед. Штатах	1.600	„ Чехо-Словакии	500
„ Англии	1.215	„ Японии	370
„ Италии	1.100		

Франция обладает также наибольшим количеством танков: 2.568. (Franz Carl Endres, „Vom nächsten Krieg", Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, B. 59, Heft 1, Февраль 1928, стр. 68, примечание).

всего населения земного шара. А на 1 января 1927 г. это число увеличилось до 27,7 млн., что соответствует одной машине уже только на 66 человек (в Соед. Штатах одна машина приходится на 5 человек). Таким образом, за короткий промежуток в 7 лет число автомобилей увеличилось больше чем втрое. Ясное дело, что потребное автотранспорту количество нефти (бензина) возросло в той же пропорции.

С тем же фактом чрезвычайно быстрого роста встречаемся мы и в области применения нефтяных двигателей в морском — коммерческом — транспорте. В 1914 г. только 0,47% общего количества судов было оборудовано нефтяными моторами. В 1925 г. это число поднялось до 4,2%. Зато из общего количества судов, находившихся в том же году в постройке, подлежащих оборудованию нефтяными двигателями было уже не меньше 97%! К средине 1927 г. всего в плавании находилось 6,14% судов с нефтяными двигателями.

Больше половины всех торговых теплоходов принадлежит Соед. Штатам. Если в 1925 г. общее число американских автомобилей составило около 90% машин во всем мире, то в 1927 г. оно уже превысило 95%. До 1924 г. Соед. Штаты потребляли около 70% мировой продукции нефти; после 1924 г. — не меньше 75%. Рост потребления нефти на американском рынке является поэтому весьма показательным для роста потребления ее вообще. Вот характерные цифры ежегодного прироста потребления бензиа в Соед. Штатах.

Рост потребления бензина в Соед. Штатах (в %% к пред. году)

1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
24	7	19	23	18	21	17	14

За все время, начиная с 1915 г. — за исключением 1924 г., — потребление нефти в Соед. Штатах превышает их собственную добычу, что указывает на то, под каким давлением развивается нефтяная промышленность.

Производство и потребление нефти в Соед. Штатах с 1915 по 1927 гг.

Годы	Производство (в млн. барр.)	Потребление (в млн. барр.)
1915	281,1	290,7
1918	355,9	412,3
1919	378,4	420,5
1920	442,9	522,4
1921	472,2	520,7
1922	557,5	596,3
1923	732,4	713,7
1924	713,9	734,0
1925	763,7	801,0
1926	770,9	884,0
1927	905,8	—

Таким образом, потребление нефти, беспрерывно растущее в размерах, с какими не может сравниться рост ни одного из других продуктов потребления,[1] не только не уменьшается и не уменьшится в будущем, но, по вышеуказанным причинам, должно еще значительно возрасти. Роль нефти в чисто хозяйственной жизни всех стран огромна. Однако,

[1] Если не говорить о каучуке.

та страстная погоня за нефтью, какую мы наблюдаем до, во время и, в особенности, после войны; то захватническое возбуждение и та готовность драться, воевать чуть не за каждую каплю этой ароматной жидкости, какие доводят империалистов едва ли не потери последних крох сознания, — эта нефтяная горячка, охватившая весь капиталистический мир, становится понятной только, если мы примем во внимание роль нефти в войне — ее политическое значение. Недаром маршалу Фошу приписываются циничные слова: „Капля нефти стоит не меньше, чем капля крови“.

Как же развивалось производство нефти?

2. Производство нефти и мировые запасы ее

Добыча нефти совершалась, само собой разумеется, пропорционально потреблению. Исходя из предыдущего мы имеем все основания предполагать, что она носила характер, весьма близкий к хищническому. Факты подтверждают это предположение.

Сколько-нибудь заметное количество нефти было добыто впервые в 1857 г.: 1977 баррелей.[1] Уже через три года оно увеличилось в 250 приблизительно раз, составляя 509.000 барр. В 1861 г. — через год — оно учетверилось (2,1 млн. барр.), в 1873 г. — упятерилось (10,8 млн. барр); в 1880 г. почти утроилось (30 млн. барр.), в 1895 г. — тоже (103,7 млн. барр.); в 1904 г. — удвоилось (218,2 млн. барр.), в 1914 г. — тоже (403,7 млн. барр.). После войны добыча нефти продолжала расти: в 1918 г. она достигала 503,4 млн. барр., в 1919 г. — 555,6 млн., в 1920 г. — 695 млн., в 1921 г. — 766 млн., в 1922 г. — 854,8 млн., чтобы в 1923 г. перешагнуть через „первый“ миллиард: 1018,9 млн. барр.

Как же распределялось это море нефти, — какие страны участвовали в производстве миллиарда баррелей?

На этот вопрос отвечает первая строка нижеследующей таблицы. В следующих строках ее мы сводим данные о производстве нефти до конца 1927 года.

Производство нефти по странам от 1923 по 1927 гг.

(В млн. баррелей)

Страны / Годы	Мировр. произв.		Соед. Штаты		Мексика		СССР		Персия		Голл. Индия		Румыния	
	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%
1923	1.018,9	100,0	732,4	72,2	150,0	15,1	38,2	3,8	25,0	2,4	19,8	1,9	10,9	1,0
1924	1.013,6	100,0	713,9	70,8	139,5	14,3	49,0	4,8	30,0	2,8	20,5	2,0	13,7	1,2
1925	1.068,7	100,0	763,7	71,5	115,5	10,8	52,4	4,9	35,0	3,3	21,4	2,0	16,6	1,5
1926	1.095,9	100,0	770,9	70,3	90,4	8,3	62,9	5,7	35,8	3,3	20,8	1,9	23,3	2,1
1927	1.254,0	100,0	905,0	72,3	64,2	5,1	72,4	5,8	36,8	2,9	21,4	1,7	26,1	2,1

[1] Американская единица об'ема (боченок), соответствующая, приблизительно 159 литрам.

Страны / Годы	Брит. Индия		Венецуэла		Перу		Польша (Галиция)		Аргентина		Тринидад		Япония с Формозой	
	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%
1923	7,6	0,7	4,1	0,4	6,4	0,5	5,5	0,5	3,4	0,3	3,1	0,3	1,7	0,1
1924	7,5	0,7	9,0	0,8	5,5	0,6	5,5	0,5	3,5	0,3	3,5	0,3	1,5	0,1
1925	8,2	0,8	19,6	1,8	9,3	0,9	6,0	0,6	6,3	0,6	4,4	0,4	1,7	0,2
1926	8,3	0,8	37,4	3,4	10,8	1,0	5,8	0,5	7,9	0,7	5,2	0,5	1,6	0,1
1927	8,2	0,7	64,4	5,1	9,8	0,9	5,8	0,4	8,7	0,7	5,2	0,4	1,7	0,1

Эта таблица чрезвычайно красноречива. Она содержит целый ряд интереснейших указаний. Прежде всего, она обнаруживает неуклонный рост мировой добычи нефти, если темп роста в последние годы и замедлился по сравнению с довоенным временем. Прирост добычи 1927 г. над добычей 1926 г. составляет „только" несколько больше 12%. Однако, дело идет о приросте в абсолютной цифре настолько значительном (158,1 млн. барр.), что он не только покрывает всю добычу нефти от 1857 по 1878 гг. (126,2 млн. барр.), всю добычу 1899 г. (131,1 млн. барр.) но и вполне оправдывает данную выше характеристику эксплоатации нефтяных богатств, как хищническую. Подумать только, что добытая в 1927 г. нефть составляет не менее, чем двенадцатую часть всей нефти, добытой с 1857 по 1926 гг., т.-е. за 70 лет: одну двенадцатую от 15 миллиардов (точнее, 14.566.710.000) баррелей! В 1927 г. всего добыто нефти больше, чем за первые четыре десятилетия добычи, — с 1857 по 1896 гг. Этих миллиона с четвертью баррелей хватило бы для того, чтобы покрыть весь земной шар слоем нефти, толщиной в два миллиметра слишком; на несколько минут — весь наш мир мог бы, таким образом, быть об'ят искупительным пламенем!

Огромно участие в мировом производстве нефти Соед. Штатов. Прирост их производства значительнее, чем прирост производства мирового: он составляет 17,4%, что в абсолютной цифре выражается в 134 млн. барр. Это обстоятельство повысило долю участия Соед. Штатов в мировом производстве от 70,3% в 1926 г. до 72,3% в 1927 г. Последняя цифра является рекордной; до сих пор наибольшей была доля участия Соед. Штатов в 1923 г. (72,2%); за все время добычи нефти до этого — от 1856 по 1926 гг. — она составляла, в среднем, 64,8%. Такое увеличение добычи в 1927 г. является до известной степени неожиданным: об'ясняется оно не только в высшей степени успешным развитием добычи нефти в открытом в 1926 г. месторождении Семинол в штате Оклахома,[1] но и открытием новых залежей вокруг того же Семинола, а также в Калифорнии и Техасе. Одновременно с таким значительным приростом производства спрос на нефть в Соед. Штатах, в особенности в конце года, довольно заметно упал, что находится в связи, в первую очередь, с таким обстоятельством, как сокращение производства автомобилей. Общее количество зарегистрированных на 1 января 1928 г. автомобилей поднялось до 28.900.000, т.-е. возросло на 1,2 миллиона против роста их на 3,1 миллиона к 1 января 1927 года. Производство автомобилей в 1927 г. по сравнению с 1926 г. упало на 21%. Всего автомобилей в 1927 г. было произведено 3.530 тысяч машин по сравнению с 4.434 тысячами в 1926 г. В январе 1928 г. оно, правда, снова весьма значительно поднялось. Всего в январе было выпущено 225 тысяч автомобилей против 133 тысяч в декабре.

[1] За первые 14 месяцев производства Семинол дал свыше 90 млн. барр.

С начала декабря 1927 г. производство нефти в Соед. Штатах начинает сокращаться, и дневная добыча, достигавшая в конце июля 2.586.000 барр., в начале декабря равняется только 2.480.750 барр. К 17 декабря она падает до 2.456.950 барр., к 31 декабря — до 2.419.800 барр., и продолжает это понижательное движение и в 1928 г. 7 января дневная добыча составляла 2.379.900 барр., а 14 января — 2.373.000 барр., 11 февраля она упала до 2.358.000 барр., 18 февраля равнялась 2.363.000 барр., 10 марта снова опустилась до 2.355.700 барр., а 17 марта достигла только 2.388.600 барр. А так как одновременно запасы нефти в Соед. Штатах продолжали возрастать, то перед нами довольно ясная картина перепроизводства, которое не могло не отразиться и на ценах. Не только цены на сырую нефть понизились почти на $^1/_3$ (на 30%), — упали также, в такой же мере, и цены на керосин (30%) и, в еще большей степени — тем самым обнаруживая источник „зла" — цены на бензин (на 32%). Такую конкретную форму приняло перепроизводство в Соед. Штатах; представляя собой один из заметных элементов общей хозяйственной депрессии,[1] хотя производство нефти, по выражению президента „Американского института нефти" („American Petroleum Institute"), и составляет „злокачественную международную болезнь". Перепроизводство, при очерченных в предыдущей главе, условиях, явно не отразится на победном шествии нефти, но оно довольно чувствительно отражается на владельцах нефтяных акций, заметно уменьшая их дивиденды. Как бы то ни было, в отношении перепроизводства нефти 1927 г. является для Соед. Штатов рекордным.

Диаметрально противоположные друг другу тенденции характеризуют развитие добычи нефти в двух других государствах Нового Света: в Мексике и Венецуэле. Максимальное количество нефти было добыто в Мексике в 1921 г.: 193,4 млн. барр. С тех пор это количество начинает беспрерывно падать и достигает в 1927 г. 63,0 млн. барр. уровня более низкого, чем в 1918 г. (63,8 млн. барр.). Количество 1927 г. более чем вдвое меньше количества 1923 г., 150 млн. барр.; еще больше бросается, однако, в глаза то обстоятельство, что доля участия Мексики в мировом производстве уменьшилась за то же время почти в три раза. По сравнению с 1926 г. производство 1927 г. упало на 26,2 млн. барр., или на 30% (в 1925 г. на 17%, в 1926 г. на 21%). Чем же об'ясняется это постоянное и усиливающееся падение производства в стране, запасы которой отнюдь не принадлежат к истощающимся?

Весьма характерно то обстоятельство, что политика мексиканского правительства по отношению к захватившим нефть иностранным компа-

[1] Промышленная депрессия, вплоть до последних дней февраля, характеризуется продолжающейся безработицей, сокращением производства (стали — на 12% в феврале), понижением биржевых курсов, ростом коммерческих банкротств.

ниям повела, прежде всего, к конфликтам с американскими компаниями. В то же время с нею прекрасно мирились до поры до времени английские предприятия. Ясное дело, что эти конфликты были внешним выражением наступления американского капитала, который, однако, вначале не нарушал интересов капитала английского. Так как на помощь американцам пришли известные „меры воздействия“ со стороны правительства Соед. Штатов,— американский капитал оказался вскоре победителем. Тресту „Стандард-Ойл-Индиана“ („Standard Oil of Indiana“) удалось (весною 1925 г.) целиком „проглотить“ все мексиканские предприятия концерна Догени. После столь многообещающего начала американцы шествовали по тому же самому пути; вскоре „Стандард-Ойл-Индиана“ „соединился“ с „Британско-мексиканским нефтяным товариществом“ („British Mexican Petroleum C°“) и овладел обществом, „Lago Petroleum C°“, которое было вначале английским. Благодаря этим и им подобным „комбинациям“ американское влияние в Мексике совершенно очевидно побеждало английское. Если уже в 1922 г. американцы инвестировали в нефтяной промышленности Мексики 52,8% всего ее капитала (против 33,1% английского; 6,8% голландского и только 1,1% туземного мексиканского), то в настоящее время 75% всего мексиканского производства нефти вывозится в Соед. Штаты. Естественно, что „протесты“ против действий находившегося под сильным американским давлением мексиканского правительства за последнее время стали чаще исходить уже от английских предприятий, в частности, от связанных с Ройял-Дэтш-Шелл („Shell-Royal-Dutch“, или — что то же — „Koninklyke Nederlandsche“) групп, как, например, „Мексиканский Орел“ („Mexican Eagle Oil C°“).

В противоположность Мексике, производство нефти в Венецуэле беспрерывно и гигантски растет (см. табл. на стр. 216). Тогда как в 1921 г. Мексика доставила почти четверть всего мирового производства, а Венецуэла только 0,2% его,— в 1927 г. Венецуэле обогнала Мексику. Начиная с 1923 г., производство Венецуэлы ежегодно удваивалось или почти удваивалось. В 1927 г. в ней было добыто на 27 млн. барр. больше, чем в предыдущем. Это составляет увеличение на 70,3 %. Из Венецуэлы оказалось необходимым доставить нефть в Мексику — в качестве нехватающего сырья для нефтеочистительных заводов. Захватом „Lago Petroleum C°“ „Стандард-Ойл-Индиана“ овладел также принадлежавшими этому обществу концессиями связанного с ним „Британского экваториального нефтяного общества“ („British Equatorial Oil C°“) в Венецуэле. Венецуэла становится, таким образом, точно так же почвой для конкурентной борьбы, как ею является Мексика. С той только разницей, что в Венецуэле преобладающее влияние до самого последнего времени принадлежало группе Ройял-Дэтш-Шелл.

Особое значение имеет для нас постоянный и неуклонный рост добычи нефти в СССР. 1927 г. поставил нас в этом отношении на второе место после Соед. Штатов. По сравнению с 1923 г. наша добыча почти удвоилась (вместо 38,2 млн. барр. 72,7 млн.); наша доля в мировом производстве от 3,8% поднялась до 5,8%.[1] В дальнейшем мы увидим, какое

[1] 1927/28 хозяйственный год обещает сложиться еще благоприятнее. За первый квартал всего добыто 2.861 тыс. метр. тонн нефти против 2.584 тонн за тот же квартал 1926/27 г. Азнефть превысила майский план добычи на 5%.

влияние этот результат социалистического хозяйства оказывает на хозяйство мировое.

Из других стран следует отметить относительно медленный, но постоянный рост производства Персии, более энергичный — Румынии, стабилизацию его в Британской Индии и, скорее, падение в Индии Голландской; рост в Аргентине и Тринидаде. В Персии почти безраздельно господствует английский капитал, в Индии—английский и связанный с ним голландский, в Румынии — английский и американский, в Аргентине над частным капиталом преобладает государственный. Пока мы ограничимся этими указаниями.

Итак, как мы видим, добыча нефти в общем развивается больше, чем „успешно“. Это развитие встречается иногда — как в 1927 г. — с препятствиями экономического характера (перепроизводство и недостаточная рентабельность), но в общем — давление острой нужды в нефти в конце концов выравнивает все препятствия, и хищнически растущая добыча составляет одну из предпосылок „нефтяного вопроса“.

Второй предпосылкой его является относительная бедность земного шара нефтяными месторождениями и естественными запасами нефти. Опасение, что нефтяные богатства при чудовищной эксплоатации их вообще скоро иссякнут, еще более усиливает нефтяную горячку и обостряет существующие противоречия.

О размерах нефтяных богатств земного шара от времени до времени высказываются различные авторитетные учреждения: в связи с преобладанием нефтяных масс на американском материке, главным образом, американские. Так, по подсчетам конца 1922 г., американский Геологический комитет („U. S. Geological Survey“) оценивал мировые резервы нефти в 70 мрд. барр. (ок. 10 мрд. тонн) против 10,4 мрд. барр. (ок. 1,5 мрд. тонн), добытых уже к тому времени. Насколько такие суждения являются шаткими, показывает факт, что только за 2 года до этого старший геолог того же учреждения Уайт, подсчитывая запасы нефти по отдельным странам, пришел к иным результатам. По его подсчетам (на основании данных 1918 г.) запасов нефти было в 1920 г. лишь несколько больше 43 мрд. барр. За два года наново было обнаружено, следовательно, не менее 27 мрд. По отдельным странам Уайт распределяет эти запасы следующим образом:[1]

Мировые запасы нефти в 1920 г. по странам

(в млн. барр.)

Соед. Штаты (включая Аляску)	7.000
Канада	995
Мексика	4.525
Южная Америка	9.280
СССР (с Кавказом и юго-западн. Сибирью)	6.775
Румыния, Галиция и др. европ. земли	1.135
Зап. Азия (Персия и Месопотамия)	5.820
Египет и Сев. Африка	925
Британская Индия	995
Ост-Индские острова	3.015
Япония с о. Формоза	1.235
Китай	1.375

[1] Karl Hoffmann. Oilpolitik und angelsächsischer Imperialismus. Ring—Verlag. Berlin. 1927. Стр. 20.

На западном полушарии сосредоточено, следовательно, по этому подсчету — 21.800 млн. барр.; на восточном — 21.255 млн. барр. К северу от экватора находится 36.400 млн. барр., к югу от него — 6.655 млн. барр.

Подсчет конца 1922 г. дает такую картину:

Распределение запасов нефти по странам в %%

(в 1922/23 г.)

Соед. Штаты (включая Аляску)	16,3
Канада	2,3
Мексика	10,5
Сев. часть Южн. Америки (с Перу)	13,3
Южн. „ „ (с Боливией)	8,2
Египет и Сев. Африка (Алжир)	2,2
Зап. Азия (Персия и Месопотамия)	13,5
СССР (с Кавказом и юго-западн. и сев.-восточн. Сибирью и Сахал.)	15,7
Румыния, Галиция и др. европ. страны	2,6
Япония и о. Формоза	2,9
Китай	3,2
Британская Индия	2,3
Ост-Индские острова	7,0

На западное полушарие приходится 50,6% всего запаса нефти, на восточное — 49,4%.

Само собою разумеется, что все цифры относительно нефтяных резервов следует принимать с величайшей осторожностью. Выше мы видели уже, какой богатый источник нашли американцы в 1926 г. в штате Оклахома (Семинол) и в других штатах. Столь компетентное учреждение, как „Федеральный совет по охране нефти“ („Federal Oil Conservation Board“) недавно высказал предположение, что Соед. Штаты обладают запасом нефти в своих недрах не меньше, чем в 92 мрд. барр. (около 12 мрд. тонн). Но еще за год до этого один американский комитет выпустил отчет, согласно которому запасы только одной Америки составляют 87,85 мрд. тонн (в 9 раз, следовательно, значительнее, чем мировые по оценке официального Геологического комитета в 1922 г.)! Этого количества нефти хватило бы Соед. Штатам на 734 года!

Мнения противоположны. Но все они беспристрастного наблюдателя приводят к неизбежному выводу: запасы нефти, быть может, больше предполагаемых. Но они во всяком случае ограничены.

Отсюда империалистические державы делают естественный для них вывод: Захватывай для себя как можно больше. Отымай все, что можно у другого. В особенности грабь побольше там, где законный владелец слабее тебя.

3. Нефтяные концерны и их борьба

По сравнению с другими отраслями добывающей промышленности нефтяная представляет некоторые особенности. Прежде всего, начиная разработку нефтеносных земель, нефтепромышленник никогда не в состоянии определить наперед количество нефти, какое может быть извлечено. Отсюда вытекает тот риск, который может быть сторицей вознагражден, но который иногда делает огромные затраты капитала совершенно бесплодными. Второй особенностью являются условия транспорта — по нефтепроводам и в нефтеналивных судах. И то и другое создает необходимость в огромном капитале, который может быть вложен чаще всего концерном или трестом, — если не государством. По этой причине нефтяные предприятия — в гораздо большей степени, чем все другие — находятся в руках именно этого типа промышленных об'единений. [1]

С другой стороны, помимо типа нефтяных предприятий для последних весьма характерно распределение добычи нефти по странам. Казалось бы, что здесь в первую очередь должен господствовать чисто географический принцип. Добывается нефть страной, какая обладает ее запасами. Вначале это так и было в действительности. Соед. Штаты стали разрабатывать собственную нефть; ни Франция, ни Германия, ни Япония — страны практически не имеющие нефти, — роли в нефтяном мире не играют. Мало-по-малу, однако, создалось совершенно иное положение. Целый ряд стран — Румыния, Персия, Мексика, Венецуэла — должны были уступить разработку своих залежей более богатым чужестранцам. Помимо Америки, которая подошла к разработке нефти прежде всего экономически и использовала свои богатства в момент, когда все ее техническое и экономическое развитие поставило эту задачу на очередь, — помимо Америки разработкой нефтяных залежей стала заниматься Англия, которая, если она и является капиталистически высокоразвитой страной, — к этому подошла исключительно политически: с того момента, как раскрылось политическое значение нефти в качестве средства военного могущества. Соединенное Королевство собственной нефти не имеет. Следовательно, здесь мы имеем дело с принципом отнюдь не географическим. Доказывать, что и для Соед. Штатов „география“ давно уже отступила на задний план, — значит, ломиться в открытую дверь.

„География“ совместно с высоким уровнем экономического развития были теми условиями, какие поставили Соед. Штаты хронологически на первое место в разработке нефтяных богатств. Само собой разумеется, что экономические предпосылки играют здесь доминирующую роль. Ибо как раз последние явились в дальнейшем определяющим фактором, почти совершенно изолировав „географию“. Наиболее развитыми экономически странами являются после Соед. Штатов Англия и Германия. Но Германия, в момент, когда нефтяной вопрос достиг необычайной остроты, — была побеждена, раздавлена и принуждена отказаться от тех попыток, какие она, чтобы овладеть нефтью, дальновидно делала еще до войны (Багдадская железная дорога, оккупация Кавказа). Победа „союзников“ в империалистической войне — передала в руки Англии все возможности, которые она и использовала по мере своих сил.

---

[1] С этой точки зрения небезынтересны следующие данные. Тогда, как в стальной промышленности Соед. Штатов инвестировано 4,5 мрд. долл., а вся ее оценка не превышает 6 мрд., в американскую нефтяную промышленность вложено 11,3 мрд. долл За последние 13 лет в стальную промышленность вкладывалось по 100 млн. долл. ежегодно; в нефтяную за 16 лет — по 500 млн., в 1926 г. — даже 750 млн. Таким образом, капитал нефтепромышленности вдвое больше капитала сталепромышленности; ежегодные вложения первой превосходят вложения второй в 5 раз. За последние 12 лет нефтяная промышленность израсходовала 750 млн. долл. на бурение скважин, совсем не давших нефти, и 500 млн. — на бурение скважин с таким ничтожным содержанием нефти, что затраты повели к значительным убыткам („Нефтяное Хозяйство“, 1928, № 1. Записка американских нефтепромышленников: „Сегодняшний ответ американской нефтяной промышленности“, стр. 102: „Колосальные вложения в промышленность“).

Как обнаруживает отчасти уже наша таблица мирового производства нефти (стр. 215—216), доминирующее положение в нем занимают Соед. Штаты. По подсчетам немецкого специалиста, Альфреда Фабера, американцы „контролируют“ до 79% всего производства нефти. Конкретный результат нефтяного хищничества Англии пока выражается в том, что под ее „контролем“ находится (по тем же подсчетам) около 15% производства. Таким образом, если бы Англия и Соед. Штаты заключили между собой союз, — „англо-саксонская раса“ контролировала бы в настоящее время не меньше 94% производства! Только 6% остается на долю остальных стран!

Этим современный момент в развитии нефтяного вопроса характеризуется достаточно точно и определенно. Тресты и концерны, овладевшие производством нефти, на 94% являются американскими или английскими.

О происхождении крупнейшего треста Соед. Штатов (и в то же время крупнейшего мирового треста) Стандард-Ойл мы говорили уже выше. В 1870 году завод и магазин „Рокфеллер, Эндр'юс и Флэглер“ превратился в „Охайскую компанию Стандард-Ойл“ („Standard Oil Company of Ohio“) с капиталом в 1 млн. долл., а в 1882 г. — в „Трест Стандард-Ойл“ („Standard-Oil Trust“) с начальным капиталом в 70 млн. долл. Основным принципом рокфеллеровских организаций была торговля, а не производство. Монополия и взвинчивание цен: это были те моменты, какие заставили правительство Соед. Штатов два раза распускать Стандард-Ойл на основании закона о трестах (акт Шермана от 1890 г.). После первого роспуска (1892 г.) трест разбился на 20 приблизительно обществ. Воспользовавшись затем особым законодательством штата Нью-Джерсей, он сделал свою Нью-Джерсейскую организацию центральной, и в 1899 г. почти целиком „возобновился“. После второго роспуска (1911 г.) трест распался на 33 почти самостоятельных организации, которыми Нью-Джерсейская продолжает руководить, как центральная, — действуя, при этом, однако, путями и способами, совершенно ускользающими от контроля государства и общества. Наиболее крупными организациями треста являются „Стандард-Ойл в Нью-Джерсее“, упомянутый уже „Стандард-Ойл“ в Индиане, в Калифорнии и в Нью-Йорке. К этим компаниям примыкают другие как американские („Вакуум-Ойл“, „Тайд-Уотер-Ассошиэтед-Ойл К°“), так и иностранные.

„Стандард-Ойл“ в целом контролирует около 26% мировой добычи нефти, около 50% перегонки и около 70% транспорта по трубам. [1]

[1] Вот какая часть мирового производства нефти приходилась в 1925 и 1926 гг. на долю отдельных предприятий треста:

Предприятие	1925 г. млн. барр.	1925 г. %%	1926 г. млн. барр.	1926 г. %%
Стандард-Ойл в Нью-Джерсее	71,9	6,7	61,8	5,7
„ в Индиане	61,3	5,7	57,0	5,2
„ в Калифорнии	53,0	5,0	51,1	4,7
„ в Нью-Йорке	22,6	2,1	30,0	2,8
Тайд-Уотер-Ассошиэтед-Ойл К°	23,8	2,2	25,0	2,3
Прэри Ойл-энд-Газ К°	20,0	1,9	21,0	1,9
Охайо-Ойл К°	14,5	1,4	14,0	1,3
Остальные общества	20,0	1,9	22,0	2,0
Всего	287,13	26,9	281,9	25,8

Наливной флот треста составлял в 1922 г. 1,5 млн. тонн против 5 млн. тонн мирового флота. Что же касается его капитала, то только одна компания „Стандард-Ойл в Нью-Джерсее“ (центральная) на 1 января 1926 г. располагала капиталом в 1.214.558.940 долл. Биржевая же ценность капитала всего треста в конце 1926 г. равнялась ни больше ни меньше, как 4.608.918.200 долл.

Само собою разумеется, что Стандард-Ойл не исчерпывает всей американской нефтяной промышленности. Кроме Стандард-Ойл, с 1921 г. существует „Национальная ассоциация независимых производителей нефти“ („National Association of Independent Oil Producers“), представляющая собою попытку мелких производителей бороться с могущественными трестами. До сих пор больших успехов эта ассоциация не достигла. Что же касается так называемых „тяжелых независимых“ („big independents“), к которым относятся Пьюр-Ойл К°“ („Pure Oil C°“, номинальный капитал 190 млн. долл.), „Техас К°“ („Texas C°“, капитал 164,5 млн. долл.) и „Гольф-Ойл Корпорэшин“ (Gulf Oil Corporation“, капитал 120 млн. долл.); прежде же входили концерн Догени („Pan American Petroleum and Transport C°“, капитал 230 млн. долл.), концерн Синклера („Sinclair Consolidated Oil Corporation“, капитал 100 млн. долл.); и кроме того относятся еще несколько более мелких концернов (всего „big independents“ одиннадцать), — то все они либо связаны невидимыми путями со Стандард-Ойл, либо зависят от последнего через посредство особой организации, которая по своим принципам и, отчасти, по своим формам весьма напоминает пресловутую Лигу Наций. Я говорю о том самом „Американском нефтяном институте“ („American Petroleum Institute“), о котором мы упоминали уже выше. Основанное в 1919 г. — не государственное — учреждение это имеет своей задачей всячески содействовать нефтяной промышленности Соед. Штатов — на внутреннем и на внешнем рынке. Оно об'единяет все концерны и тресты и руководится президиумом, в котором большинство обеспечено за Стандард-Ойл. Стандард-Ойл, таким образом, играет в „Американском нефтяном институте“ точь-в-точь ту же роль, какую играет Англия в Лиге Наций.

Такова, в самых общих чертах, организация американской нефтяной промышленности. Как же обстоит дело с промышленностью английской?

Английская нефтяная промышленность почти целиком руководится двумя крупнейшими организациями: трестом „Ройял-Дэтш-Шелл“ („Shell-Royal-Dutch“) и группой „Англо-Першин-Бурма“ („Anglo-Persian Oil C°“ и „Burmah Oil C°“).

„Английский“ трест Ройял-Дэтш-Шелл собственно голландского происхождения, лишний раз показывая, что „география“ в нефтяных делах „не при чем“. Первоначально трест „Конинклийке Недерландше“ („Ройял Дэтш“) был организован (в 1890 г.) для эксплоатации нефтяных мероприятий в Голландской Индии, с капиталом в 1,3 млн. гульденов. В настоящее время, поскольку теперь можно говорить о голландской части в отдельности, — капитал этого треста достигает номинально 600 млн. гульденов. Не прошло и десятка лет, как „Конинклийке Недерландше“ подверглось прямому нападению со стороны Стандард-Ойл, который пожелал ни больше, ни меньше, как подчинить голландское общество своему контролю. Это обстоятельство и было причиной того, что

Ройял-Дэтш поспешил соединиться с английской Компанией Шелл-Транспорт („Shell Transport and Trading C⁰“). Последнее общество, организованное в 1897 г. сэром Маркусом Самюэлем (потом лорд Бирстед), занималось только перевозкой нефти, а не ее добычей; но, как таковое, оно задумало (около 1900 г.) вывозить в юго-восточную Азию русские нефтяные продукты, вступая, таким образом, в открытую конкуренцию со Стандард-Ойл. Так создался побудительный мотив для компании „Шелл“ к образованию союза с „Конинклийке“. В этот союз компания „Шелл“ внесла капитал, достигающий в настоящее время 43 млн. фунт. стерлингов. Затем все пути сплетения и принципы об'единения обоих обществ покрыты мраком неизвестности. Обнаружилось только, что оба они владеют акциями друг друга. Оба общества располагают совместно нефтеналивным флотом, который уже в 1907 г. состоял из 40 судов, вместимостью приблизительно в 120 тыс. тонн (31 из них со 102 тыс. тонн „внесены“ компанией „Шелл“). Деятельность голландско-английского треста, как мы отчасти уже видели, распространилась на Румынию, Египет, Мексику, Венецуэлу и Северную Америку. Эта деятельность, чрезвычайно обострившая конкуренцию с американцами,— по размерам своим далеко оставляет позади ту реальную нефтяную базу, которая существовала в момент образования треста. Голландская Индия (как это видно и из табл. на 215) доставляет только небольшую часть добываемой трестом нефти. За время, протекшее со дня основания треста, он все больше и больше становился английским, ибо этому навстречу чрезвычайно охотно шло английское правительство.

Об'единение „Конинклийке“ с англичанами провел в жизнь „генеральный директор“ голландского концерна Генри Детердинг. Оказавшись на посту генерального директора голландско-английского треста, он понял, что трест в целом будет процветать тем ярче, чем крепче он обопрется на английскую базу. Англичане как раз стали сознавать все значение нефти, и подчинить своим военным интересам столь мощную организацию было в „плане“ их политики. Генри Детердинг с полным сознанием построил экономическую политику своей организации на базе английской мировой политики, встречая полную поддержку „первого лорда адмиралтейства“, упомянутого лорда Фишера, который называл голландского колониального предпринимателя и английского сэра „Наполеоном“ по решительности и „Кромвелем“ по глубине. В конце концов, этот союз государства и треста, если верить газете „Matin“, [1] нашел свое оформление в договоре между ними, согласно которому „Детердинг доставил английскому флоту стратегические базы во всех пунктах мира, Англия же предоставила взамен этого тресту защиту своего флота и свое политическое влияние“. Это означает, что концерн, предоставляя нефть, получает защиту эксплоатируемых территорий (Голландская Индия).

Итак, английская политика создала условия расцвета треста „Ройял-Дэтш-Шелл“. В настоящее время — это самая крупная организация после Стандард-Ойл. В мировом производстве нефти она участвует на 10%. В 1925 г. ее производство достигло 97,5 млн. барр. (9,13% мирового производства), в 1926 г. оно поднялось до 108,8 млн. (9,94% мирового производства). Ее капитал на 1 января 1927 года составлял 1.234.132.069 долл.

[1] „Matin“ от 23 февраля 1924 г. Ср. также Karl Hoffmann, op. cit, стр. 34.

Второй английский нефтяной концерн, группа „Англо-Першим-Бурма“, образовался из двух трестов. Компания „Бурма-Ойл“ („Burmah Oil C⁰“) была основана в 1886 г. (реконструирована в 1902 г.) для эксплоатации индийских месторождений нефти. В 1909 г. компания „Бурма-Ойл“ вложила 2 млн. фунт. стерлингов в до тех пор неудачно развивавшуюся английскую концессию в Персии. Так возник трест „Англо-Першин“, дальнейшие неудачи которого привели к тому, что „первый лорд адмиралтейства“ того времени (1913 г.) Уинстон Черчилль отправил в Персию специальную комиссию. Заключения комиссии были таковы, что английское правительство приобрело (в мае 1914 г.) „контрольный пакет“ акций этого общества. Сделка эта была санкционирована Палатой общин 17 июня 1914 г. „Англо Першин“ должна была по договору доставлять также определенное количество нефти английскому флоту. Во главе треста „Англо-Першин-Бурма“ стоят Чарльз Гринвей и Джон Кэдмен — последний в скромной должности „технического советника“. На самом же деле сэр Джон Кэдмен во всех вопросах английской нефтяной политики играет самую выдающуюся роль; во время войны он стоял во главе правительственного „нефтяного департамента“ (H. M. Petroleum Executive Department“) и вообще он едва ли не является главным вдохновителем английской официальной нефтяной политики. Англо-Першин располагает 48 отделениями в различных мировых гаванях и 333 судами, из которых 67 — для перевозки нефти. В мировом производстве нефти Англо-Першин участвует на 3,8%. Его капитал (к началу 1927 г.) составлял „только“ 633.756.664 долл. Значение этого треста лежит, однако, в его теснейшей связи с адмиралтейством. По существу, он является английским правительственным трестом. „Собственно говоря, концерн является нефтяным отделением адмиралтейства, управляемым при посредстве казначейства“,— говорит Карл Гофман. [1]

Все эти гиганты капиталистического мира —„Стандард-Ойл“, „Ройял-Дэтш-Шелл“ и „Англо-Першин-Бурма“— вместе представляют капитал около 7 мрд. долл.— в первую очередь являются, конечно, предприятиями хозяйственными. И как таковые, они приносят своим акционерам даже весьма незначительный доход. Так, чистая прибыль „Стандард-Ойл“ в 1925 г. составляла 374.632.000 долл., а в 1926 г.— 390.513.000 долл., „Акционеры“ „Роял-Дэтш-Шелл“ получили соответственно 62.375.000 и 67.863.000 долл., а „маленький“ „Англо-Першин-Бурма“ дал „только“ 22.454.000 и 30.115.000 долл. Однако, ни одна отрасль хозяйства не является столь ярким, столь классическим образцом того, что с экономикой неразрывно связана политика и что величайшие политические события и даже катастрофы развиваются на почве хозяйственных недоразумений,— как хозяйство нефтяное.

Мы видели, что крупные британские тресты „Ройял-Дэтш-Шелл“ и „Англо-Першин-Бурма“ теснейшим образом связаны с британским правительством. Не менее крепка, хотя и выражается в других формах, связь между правительством Соед. Штатов и „Стандард-Ойл“. Если для Детердинга и Рокфеллера вопрос об обладании нефтяными источниками есть вопрос, в первую очередь, хищной наживы, то для их правительств это вопрос военного и политического могущества, фактической мировой

[1] Op. cit., стр. 37.

гегемонии. Ибо как оружие, сообщающее безусловный перевес его обладателю, нефть стала об'ектом самых горячих желаний и причиной самых страстных выступлений. Все, что совершает могущественный трест, самым непосредственным образом касается правительства; всякое мероприятие правительства ближайшим образом задевает трест. Тресты и правительство сделались союзниками в мировой борьбе, каторжниками, прикованными к одной и той же тачке.

Мирное существование обеих гигантских групп, английской и американской, было бы возможно только при условии полного равновесия их интересов. Но этого равновесия не существует. Интересы английских и американских трестов так же противоположны, как противоположны интересы соответствующих правительств. Из общего экономического и политического соревнования двух гигантских государственных образований капиталистического мира вытекает соревнование нефтяных групп. Но соревнование нефтяных групп само по себе превращается в причину соревнования государств и постепенно вырастает до размеров фактора столь значительного, что в качестве средства разрешения противоречий начинает все чаще и чаще упоминаться война.

Уже в предыдущей главе мы видели, что яблоком раздора между американцами и англичанами является в последнее время и Венецуэла. Американский капитал с 1925 г. ведет здесь наступление на английский точно так же, как он это делал (и делает) в Мексике. Именно в 1925 г „Стандард-Ойл-Индиана" овладел обществом „Лаго" и венецуэльскими концессиями „Британской экваториальной нефтяной компании". Вслед за своим собратом точно так же поступил и „Стандард-Ойл-Нью-Джерсей", который в начале 1926 г. овладел всеми концессиями „Бритиш-Контроллед". Этому предшествовала четырехлетняя история переговоров и постепенных уступок со стороны британского треста американскому. В руках англичан нераздельно оставалась „Венецуэльская нефтяная концессия" („Venezuela Oil Concession"), связанная контрактами о поставках с „Ройял-Дэтш-Шелл", которая делала их влияние все еще значительным. Но вот в самые последние дни „Стандард-Ойл" нанес им новый удар покупкой у „Креол-Синдиката" пакетов акций различных нефтяных предприятий Венецуэлы.[1]

Если проникновение на американский материк для великобританских трестов не только затрудняется, но и приводит, в конце концов, к тому, что они вынуждены уступать уже завоеванные позиции американским, то иначе обстоит дело на материке европейском и азиатском.

Мы видели уже, что англичане „успешно" прибрали к своим рукам нефтяную промышленность Индии, Персии и часть румынской. Очередную задачу для них составляет сейчас развитие нефтяной промышленности на Ближнем Востоке. Типичным является их поведение в моссульском вопросе.

С помощью своего послушного инструмента, Лиги Наций, Англия добилась в 1925/26 г. признания со стороны Турции верховных прав на Моссул за Ираком. Таким образом, Англия овладела значительным месторождением нефти в Месопотамии — к востоку от Тигра, вплоть до персидской границы. В настоящее время там усердно производятся бурение

[1] „Правда", от 4 марта 1928 г.

и подготовительные работы. Добывать там рассчитывают около 10 млн. барр. ежегодно, около половины того, что добывается сейчас в Персии.

Захват Моссула является результатом комбинированных действий английской дипломатии, английских войск, английских нефтяников. Этот метод алчного захвата сделался правилом. Выступая на различных конференциях, в переговорах „около" них, прямыми соглашениями и непосредственным захватом Англия сумела обеспечить за собой, по американским данным, до 75% всех нефтеносных земель, считая и те, в которых разработка месторождений еще не производится,—хотя непосредственно „контролирует" Англия, как мы видели, пока только 15% всего производства нефти. Быть может эта цифра (75%) и преувеличена, но в какой мере Великобритания в этом направлении не брезгает решительно ничем, показывает недавняя ее попытка захвата Бахрейнских островов в Персидском заливе.

Мы привели только несколько фактов борьбы трестов английских и американских, только те, которые относятся в большей степени к борьбе, так сказать, „колониальной". Есть и другая область этой борьбы — гораздо более широкая и опасная, которая разыгрывается между гигантами империализма непосредственно на рынках „великих" держав. Эта борьба питается в значительной степени и теми алчными аппетитами, которые испытывают империалисты по отношению к советской нефти. Советская нефть является в этой борьбе даже фактором первостепенной важности, если ее роль и окажется совершенно иною, чем та, какую ей весьма охотно навязали бы англичане и американцы.

Вопросом о значении советской нефти в мировом нефтяном хозяйстве мы займемся в следующей главе.

4. Борьба за советскую нефть

Как известно, вопрос о нефти играл выдающуюся роль уже на конференции в Сан-Ремо (апрель 1920 г.). К общему договору, в качестве его дополнения, было присоединено особое соглашение о нефти. Этим соглашением с Францией Англия устанавливала свои „права" на моссульскую нефть. В то же время она создавала дипломатическую базу для дальнейших своих шагов на Ближнем Востоке. Само собою разумеется, что фактически эксплоатация нефтяных богатств Месопотамии должна была находиться в руках треста Ройял-Дэтш-Шелл. Французам англичане предоставляли право покупать у них „по рыночным ценам" 25% продукции.

Попытка англичан подчинить себе французов в вопросах нефти — успеха не имела. В то же время она вызвала к жизни явления, которых англичане (поскольку можно судить по тону их прессы того времени) не предусмотрели. Не что иное, как „нефтяное соглашение в Сан-Ремо", послужило для американцев поводом к тому, чтобы приступить к энергичной защите своих нефтяных интересов. Если уже в марте 1920 г. в американском сенате была принята резолюция, приглашающая правительство сделать доклад „о положении мирового нефтяного хозяйства и его политических последствиях", то самый доклад был сделан после конференции в Сан-Ремо. Этот доклад без всяких обиняков указывал, что „политика Британской империи заключается в том, чтобы не допускать влияния граждан иностранных государств на нефтяные месторож-

дения империи, но, наоборот, стараться приобрести влияние на нефтяные месторождения, принадлежащие другим странам".

Как замечает приводящий эти слова Карл Гофман,[1] в них заключалось, в сущности, „нефтеполитическое об'явление войны". С этого момента начинаются во всяком случае выступления Соед. Штатов, представляющие собою комбинацию актов Государственного департамента и Государственного секретаря по иностранным делам, с одной стороны, и практических шагов Стандард-Ойл,—с другой. Мы видели, что этим двум американским „силам" противостояли Ройял-Дэтш-Шелл и английское министерство иностранных дел. В дипломатических нотах Соед. Штатов, отказавших в признании договора в Сан-Ремо, и Великобритании (подписанных лордом Керзоном) знатоки узнавали „соответственно" стиль председателя совета директоров „Стандард-Ойл-Нью-Джерсей", Альфреда Бедфорда, и упомянутого выше вдохновителя английской нефтяной политики сэра Джона Кэдмена.

Таким образом, попытки англичан захватить нефть Ближнего Востока более или менее бесшумно и безболезненно не удались. Американцы никак не хотели согласиться с таким положением, чтобы нефтяная гегемония с истощением их собственных запасов перешла в руки англичан. И тресту Ройял-Дэтш-Шелл никак не удавалось сравняться по значению со Стандард-Ойл. Тогда он решил к политике мудрого постепенного захвата нефтяных месторождений Ближнего Востока присоединить решительный удар, удача которого могла ему сразу создать положение, быть может, даже более сильное, чем то, какое занимает Стандард-Ойл. Трест Ройял-Дэтш-Шелл при помощи английского правительства решил ни больше, ни меньше, как завладеть той самой, принадлежащей Советскому государству кавказской нефтью, которой не могла овладеть во время войны и интервенции английская „военная сила". Театром действия должна была явиться Генуэзская конференция.

Нельзя сказать, чтобы выступление Ройял-Дэтш-Шелл было неподготовлено. Уже в 1912 г. трест купил у парижского банкирского дома Ротшильд 80% его участия в русских нефтяных предприятиях („Мазут", „Бнито" и др.), увеличив вскоре это количество до 90%. В последующие годы Детердинг овладевал другими предприятиями („Шибаев") не только в Баку, но и в Грозном и в области Эмбы. Накануне Октября Ройял-Дэтш-Шелл возглавлял 10 русских нефтяных обществ с общим капиталом в 126,5 млн. рублей золотом и годовым производством свыше 1,5 млн. тонн (свыше 10 млн. барр.). Можно ли удивляться, что полу-Наполеон, полу-Кромвель не сумел понять значения великого исторического переворота? Вместе с английскими интервентами он верил, что национализация народных нефтяных богатств весьма скоро уступит место прежнему положению хищнического захвата со стороны частных „собственников". Поэтому он продолжал скупать „мертвые души" — акции предприятий у их бывших владельцев.[2] В 1920 г. были приобретены паи фирм Манташева и Лианозова, вслед за ним — Никополь — Мариупольского трубного завода.

[1] Op. cit., стр. 107.

[2] Интересные сведения читатель найдет об этом в статье: A. de Goulevitch. Le Pétrole russe Revue Économique Internationale. Novembre, 1927).

Что главным яблоком раздора капиталистических держав на Генуэзской конференции (апрель—май 1922 г.) явится советская нефть — это предвидели еще до конференции. Еще осенью 1921 г. представитель Ройял-Дэтш-Шелл пытался вести переговоры с покойным тов. Красиным; о состоявшемся будто бы уже соглашении между трестом и советскими представителями на конференции было преждевременно напечатано во французских газетах. Знаменитый „меморандум" союзников от 2 мая предлагал такую форму советской нефтяной концессии иностранцам, которая совершенно исключала из нее ни больше, ни меньше как американцев, ибо Стандард-Ойл, скупая подобно Ройял-Дэтш-Шеллу „мертвые души" (акции Нобеля), ни в какой мере не принадлежал к владельцам русских предприятий до национализации, вследствие чего подпадал под исключающее действие § 7 „меморандума".

Нужно ли говорить, что представители Стандард-Ойл, находившиеся в Генуе, отнюдь не были расположены мириться с таким положением вещей? По этой причине, когда заключение Раппальского договора разбило всех участников конференции на две группы, Стандард-Ойл всеми доступными ему средствами, не исключая и дипломатического воздействия, — стал поддерживать французов. Французская и бельгийская делегации вместе с находившимися за кулисами американцами оказались, таким образом, противниками англичан. Дело закончилось появлением на конференции посла Соед. Штатов, Чайльда, который по соглашению с „наблюдателями" от фирмы Стандард-Ойл и французским представителем, Барту, выступил с заявлением, что если сведения французской печати о предоставлении монополии вывоза советской нефти Ройял-Дэтш-Шелл верны, то „американское правительство будет считать себя уполномоченным задерживать всякое судно, груженое русской нефтью, ибо эта нефть может происходить из колодцев, принадлежащих американским гражданам". Так, интересы Стандард-Ойл были спасены, и попытка Детердинга овладеть советской нефтью, по его мнению, именно по этой причине, окончилась неудачей.

Потерпев поражение в Генуе, „генеральный директор" Ройял-Дэтш-Шелл, тем не менее, не отказался от мечты о советской нефти. Правда, он собирался получить ее — в особенности после провала Гаагской конференции, этого продолжения Генуэзской в смысле борьбы больших трестов за советскую нефть — не из рук советского правительства. Каждые полгода, как уверяет Френсис Делэзи,[1] он предсказывал „падение большевиков". Кроме того, вместе с Лесли Урквартом он был уверен, что без иностранного капитала советские нефтяные промыслы весьма скоро захиреют. Чтобы оказать этому посильную помощь, Детердинг взял на себя инициативу образования „нефтяной блокады" Советского Союза, выразившейся в соглашении заинтересованных групп и трестов (не исключая прежних русских владельцев нефтяных предприятий) не вступать отдельно ни в какие относящиеся к нефти промышленные или торговые сделки с советами.

Ни одна из надежд Детердинга не осуществилась. В нефтяной блокаде он сам первый пробил брешь тем, что уже через 4 месяца после заключения „пакта" приобрел 70 тыс. тонн советской нефти и выразил

[1] Francis Delaisi. „Oil and the Arcos Raid". Foreign Affairs (англ.), october 1927, стр. 107.

желание приобрести еще 100 тысяч. Правда, особой лойяльности не обнаружил и Стандард-Ойл, пославший своего представителя в Москву хлопотать о концессии.[1] Через год после своего образования группа бойкота распалась, уступив место другим организациям с более или менее эфемерным существованием. Между тем, вопреки надеждам и пожеланиям всех империалистов, несмотря на отсутствие иностранных кредитов, советские нефтяные промыслы (см. таблицу на стр. 215) развивались, и одновременно рос экспорт советской нефти и нефтяных продуктов.

Рекордным годом довоенного времени был 1904 г., когда вывоз составлял 1.837 тыс. тонн. В 1913 г. он опустился до 952 тыс., а в 1925/26 г. поднялся снова до 1.473 тыс. и достиг в 1926/27 г. 2.038 тыс. тонн. Таким образом, вывоз 1926/27 г. на 11% превышает рекордный вывоз довоенного времени. По странам вывоз двух последних лет распределялся следующим образом (в тыс. тонн):

Страны	1925/26	1926/27	Прирост в %%
Италия	380,5	477,6	+ 25,25
Франция	179,4	386,1	+115,5
Англия	384,7	381,0	—
Германия и вновь образов. государств.	240,9	346,0	+ 43,6
Египет и Индия	84,5	156,2	+ 84,9
Бельгия и Голландия	62,3	69,4	+ 11,4
Испания	14,7	69,2	+369,1
Турция, Греция и Болгария	62,7	58,0	+ 7,6
Балтийские государства и Финляндия	29,1	45,4	+ 56,2
Скандинавские государства	13,9	11,3	—
Всего	1.452,7	2.000,2	+ 37,7
Бункерная нефть	20,3	38,2	+ 87,9
Итого	1.473,0	2.088,4	+ 38,4

Не говорят ли эти цифры о блестящем развитии нашего нефтяного хозяйства?[2] Интереснее всего тот факт, что больше всего развивался наш экспорт как раз в Англию. Даже в 1926/27 году он составляет 11% всего английского импорта. Несмотря на все препятствия, наши торговые отношения с Англией развивались и, конечно, в плоскости их дальнейшего улучшения лежал тот кредит, который 11 мая 1927 г. был предоставлен Вестминстерским банком Советскому государству. Этот кредит, несомненно, содействовал бы и экспорту нефти в Англию и вообще дальнейшему укреплению советского нефтяного хозяйства. Все обстояло благополучно. Но вот 12 мая — на другой же день — произошел „знаменитый" налет английской полиции на „Аркос" — под столь же смехотворным, как и неуклюжим предлогом. Этот налет был до такой степени

[1] Луи Фишер, „Империализм нефти", стр. 75.

[2] Согласно только что опубликованным данным, наш экспорт за текущий 1927/28 год развивается еще успешнее. За первую половину текущего года он превысил 1.125 тысяч тонн, что по сравнению с первой половиной 1926/27 года составляет прирост почти на 27%. Превышение экспорта за год составит больше, чем 40%. Еще интереснее данные относительно вывоза продуктов нефти. Так, экспорт керосина возрос почти на 50% (49%). Идет керосин в Италию, Египет, Индию и... Англию. Экспорт бензина и лигроина возрос на 20,5%, нефтетоплива на 23,3%, сырой нефти на 7,8%. Таким образом, наш экспорт улучшается не только количественно, но и качественно. Картина дополняется тем, что Нефтесиндикат выступил на ряде новых рынков; по договору со Стандард-Ойл-Нью-Йорк появились новые пункты для отгрузки (мазута): Порт-Саид, Константинополь и порты Испании (ср. „Правда", № 108, от 11/V 1928).

неожидан и нелеп, что нормальная логика обыкновенного гражданина и обывателя отказывалась его понять. Лишь человек, искушенный в нефтяных делах — в этом чрезвычайно „смелом" и „глубокомысленном" акте угадывал руку Наполеона и Кромвеля — конечно, нефтяных. Известный французский специалист по вопросам нефти, упомянутый уже профессор Франсис Делэзи в своей — также упомянутой — статье пишет черным по белому: „Разрыв дипломатических отношений между Великобританией и Советским Союзом не был добровольным актом британского правительства, но был инспирирован и даже предписан известными крупными нефтяными интересами". И дальше: „По существу набег Министерства внутренних дел („Home office") на деловые помещения Аркоса был набегом нефтяных магнатов на Министерство иностранных дел („Foreign office").[1] Другими словами: полагая, что политика Соединенного Королевства по отношению к Советскому Союзу идет в разрез с их интересами, нефтяные магнаты — точнее „сэр" Генри Детердинг — резко и грубо принудили государственный орган — Министерство иностранных дел — изменить ее.

Если трест Ройял-Дэтш-Щелл — или его директор — нашел „мужество и силу" так подчинить себе свое собственное правительство — в полном противоречии с известными словами британского национального гимна „Rule Britannia", — то можно ли было ожидать, что он отнесется иначе к правительству чужеземному да еще к такому, падения которого он ожидал чуть ли не с часу на час и достаточным средством борьбы с которым считал „финансирование" производства фальшивых червонцев? Разрыв дипломатических и торговых отношений Англии с СССР он считал совершенно достаточным, чтобы создать для СССР и его нефтяной промышленности положение совершенно невыносимое, тем более, что возможность соответствующих соглашений с Францией он постарался предотвратить столь же злобной, сколь и нелепой кампанией французской желтой прессы, поведшей однако, к отзыву, из Франции советского полпреда, — чем было обнаружено влияние чужеземного треста и на французское правительство. Можно себе, поэтому, уже à priori представить ту степень злобного бессилия, кипучего негодования, в какую впали руководители англо-голландского треста и, прежде всего, сам Детердинг, — когда они узнали о том, что советская нефтяная промышленность может прекрасно обойтись и без них, и что для американского треста „Стандард-Ойл" ни в какой мере не является обязательной точка зрения Ройял-Дэтш.

Новость о том, что Стандард-Ойл через посредство двух своих организаций — „Стандард-Ойл-Нью-Йорк" и „Вакуум-Ойл" — заключил с советским правительством контракт на ежегодную поставку 100.000 тонн нефти (на три года), сопровождавшаяся сведениями о намерении американцев направить ее через Константинополь, Суэцкий канал и Коломбо в Индию, — эта новость подействовала, как гром с ясного неба. Правда, в ней заключалась весьма и весьма серьезная угроза. Угроза — что советская нефть, которой трест Ройял-Дэтш-Шелл добивался сначала методами „мирного капиталистического завоевания", скупкой „мертвых

[1] Francis Delaisi, Op. cit. Foreign Affairs, October, 1927, стр. 106 и Novembre 1927, стр. 138.

душ", попыткой коварных переговоров,— затем репрессиями в „государственном масштабе", двинув на СССР целых две „великих державы",— что эта нефть навсегда уйдет от английских рук. А это не означало ничего иного, как то, что честолюбивым мечтам Детердинга и Великобритании—приобрести месторождения нефти, сразу способные дать им преимущество — хозяйственное и политическое—над Соед. Штатами,— сбыться не суждено. Обиднее всего было то, что, продолжая плохо верить в очевидный факт полной самостоятельности и выявившейся уже способности советского нефтяного хозяйства быстро развиваться без всякой иностранной помощи,— в вышеприведенном контракте Детердинг не мог не усмотреть победы „Стандард-Ойл" в смысле овладения тем самым лакомым куском, овладеть которым стремился он сам. Все это приводило его в полное бешенство,— психическое состояние, в котором обыкновенно припоминаются давно забытые образы и понятия далекого детства: мораль, справедливость, честность и т. п. Вспоминаются заповеди, вроде „не укради" и т. д. Вот с этим то жалким идейным багажом и выступил нефтяной Наполеон перед своими сильным соперником, в увлечении не останавливаясь, с другой стороны, перед угрозами и изображая собою того самого Юпитера, который гневается, потому что он не прав. Но глубина Кромвеля изменила на этот раз ее современному обладателю. Он не рассчитал сил. Ни просьбы, ни призыв к нравственному воздержанию от покупки советской „краденой" нефти (которую — увы! — он готов был, как мы видели, покупать и сам), ни угрозы — ему не помогли. Недаром Франсис Делэзи, в упомянутой статье, не без иронии замечает, что уже настоящий Наполеон на собственном опыте узнал, что „Россия — странная земля; никогда нельзя знать, как она реагирует", и что „победное шествие нефтяного Наполеона точно также может превратиться в отступление из Москвы".

Положение для треста Ройял-Дэтш-Шелл осложнилось тем, что ему пришлось отступить не только из „Москвы", но и из Америки. После угрожавшей вот-вот разразиться нефтяной войны между двумя трестами, английским и американским; после приготовлений к ней, как две капли воды напоминавших уже начало „военных действий", — была сделана попытка „мирных переговоров". Чем она кончилась,— меньше всего можно судить по тем официальным сообщениям, какие были опубликованы обеими странами. Решительных событий, во всяком случае, не последовало. И в данный момент, повидимому, ударение делается не на „рынках сырья", не на запасах нефти,— а на рынках сбыта. Приведенная выше таблица нашего экспорта говорит о полной способности советской нефти конкурировать как с американской, так и с английской нефтью на иностранных рынках. Наш вывоз в Италию, Испанию и даже Англию мешает Ройял-Дэтш, а появление советской нефти на французском рынке в больших количествах было бы, кроме этого треста, нежелательно, повидимому, и Стандард-Ойл. По этой причине обоими трестами было пущено в ход их влияние, чтобы провалить проект нефтяной монополии во Франции. Борьба за рынок сбыта привела враждующие стороны к согласным действиям. Но это отнюдь не решает вопроса. Основные исторические тенденции и факторы продолжают действовать. Весьма скоро примат рынка сырья — или примат производства — даст себя знать снова, и борьба возгорится с новой силой.

Как показали уже обстоятельства, то особое положение, какое занимает в мировом хозяйстве СССР, сообщает ему огромные преимущества. Благодаря собственности государства на нефть и монополии внешней торговли СССР обладает абсолютной независимостью и свободой действий. И если эта независимость иногда влечет ожесточеннейшие выступления врагов Союза, то она является в то же время в руках советской власти средством, достаточно могучим не только для самообороны против иностранных нефтяных аппетитов, но и для системы активных выступлений в интересах осуществления собственной экономической программы.

Наша нефть не явится средством обогащения иностранных нефтяных магнатов и условием политического могущества империалистических стран. Она — один из необходимых элементов развития нашего социалистического хозяйства, одно из орудий нашего активного участия в хозяйстве мировом и одно из могучих средств нашей защиты. Мы нуждаемся в ней для ответа не только Чемберлену, но и империалистам всего мира.